

«АПОКАЛИПСИС И РОССИЯ»:
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА У С. Н. ДУРЫЛИНА
(ОКОНЧАНИЕ)

Т. Н. РЕЗВЫХ

Публикуемый текст С. Дурылина содержит его взгляд на эсхатологические представления в русской культуре. Дурылин считает, что в Древней Руси ожидание Апокалипсиса не было явно выражено. Оно стало усиливаться с XVII в., в то время, когда Россия как государство все больше процветало и увеличивалось в размерах. Чем сильнее становилось государство, тем сильнее было ожидание конца света. Чем больше были внешние успехи России, тем сильнее русский народ ждал Страшного Суда. Эту позицию автор обнаруживает не только в народных представлениях, но также и у представителей церковной точки зрения и в русской философии — у К. Леонтьева и В. Соловьева. Данная точка зрения не имеет аналогов среди философов начала XX в.

АПОКАЛИПСИС И РОССИЯ
(ПАМЯТИ ОТЦА ИОСИФА ФУДЕЛЯ)¹

4.

В молодые годы, на рубеже 60-х и 70-х годов прошлого века — у Владимира Соловьева происходили беседы на тему о конце всемирной истории с его отцом, историком С. М. Соловьевым. Через много лет Вл. Соловьев так вспоминал о них: «Что современное человечество есть больной старик, и что всемирная история внутренне *кончилась* — это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лет; ее оспаривал, говоря о новых исторических силах, которые могут еще выступить на всемирную сцену, то отец обыкновенно с жаром подхватывал: “Да в этом-то и дело, говорят тебе: когда умирал древний мир, было кому его сменить, было кому продолжать делать историю: германцы, славяне. А теперь где те новые народы отыщешь? Те островитяне, что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы. Или негры нас обновят? Так их хотя от легального рабства можно было освободить, но переменить их тупые головы так же невозможно, как от-

мысль их черноту<”>. А когда я, с увлечением читавший тогда Лассаля, стал говорить, что человечество может обновиться лучшим экономическим строем, что вместо новых народов могут выступить новые общественные классы, четвертое сословие и т. д., то мой отец возражал с особым движением носа, как бы ощутив какое-то крайнее зловоние. Слова его по этому предмету стерлись в моей памяти, но, очевидно, они соответствовали этому жесту, который вижу как сейчас».*²

Позитивный историк, чуждый всякой мистики, Сергей Соловьев говорил о конце всемирной истории, как о времени окончательного исчерпания человеческого материала для истории, — и апокалиптическая линия русского самосознания прошла через его спокойную мысль без всякого апокалиптического волнения: она привела его к холодному точному историческому наблюдению, к эмпирическому установлению факта: истории больше не будет, потому что ее больше некому делать. Возражавший ему сын перед смертью вспомнил мнение своего отца, когда сам весь пылал огнем апокалипсических чаяний и томлений. Сухая эмпирика Соловьева-историка оказалась лишь внешней исторической оболочкой эсхатологической мистики Соловьева философа. Так случилось через много лет после разговора двух Соловьевых. Но и в те дальние годы, — годы русских успехов государственных и культурных, — был одинокий и большинству неведомый мыслитель, для которого было ясно то, о чем говорил Соловьев-историк и на что возражал ему тогда еще юный Владимир Соловьев. Я говорю о Константине Леонтьеве.

Невозможно на немногих страницах дать понятие о великом богатстве его мысли об исчерпанности европейской культуры, о самообреченности человечества на близкий конец, о роли, которую будут играть в этом конце культура, наука, социализм, монголы, о исторической несомненности и эмпирической оправданности всех апокалипсических вещаний Слова Божия. Возможно лишь наметить. В мысли этого сложнейшего и тончайшего мыслителя явно намечаются те же две исконные линии русского самосознания. Одну — явной веры в долголетие России, в ее мировое призвание, — линию гордо и бодро идущую вверх, — и другую — эсхатологическую линию — влекущую к последнему концу, к суду и гибели. Первая линия связана с верой Леонтьева в Россию, как в особый культурно-исторический тип, коего еще не было в истории и которому поэтому надлежит быть, вторая — связана с его православными воззрениями на сущность прогресса, на значение государства и социализма, на верховную задачу мирового процесса. И для всякого, изучавшего Леонтьева, бесспорно, что первая линия есть та, с которой он, шаг за шагом, сходит, а вторая — та, на которую он все прочней и прочней становится — и стал окончательно.

Еще в основной его работе «Византизм и Славянство» (1875 г.) он исповедовал свое неверие в историческое долголетие Европы: это не было повторением старого славянофильского вывода о «гниении Запада», это было приложение к современности того воззрения на прогресс или, вернее, на религию прогресса, которое выработано было Леонтьевым и к которому впоследствии, чрез много лет, пришел Вл. Соловьев. Словами Соловьева — *здесь* только повторившего

* Вл. Соловьев. Собр. соч., изд. 2, т. X., стр. 225.

многолетние мысли и домыслы Леонтьева — я и выражу это исконное леонтьевское воззрение на всеевропейскую религию прогресса, столь ярко им избличаемую во множестве его работ и статей: «К чему идет человечество, какой конец этого исторического развития, охватившего ныне все наличные силы нашего земного населения?» — спрашивает перед смертью Соловьев и отвечает: «Ходячие теории прогресса — в смысле возрастания всеобщего благополучия при условиях теперешней земной жизни — кн. С.Н. Трубецкой справедливо называет пошлостью. Со стороны идеала это есть пошлость, или надоедливая сказка про белого бычка; а со стороны предполагаемых исторических факторов — это бессмыслица, прямая невозможность»*. Это писано Вл. Соловьевым в 1900 году, Леонтьев говорил это на четверть века раньше, в 1875-м. «Европа, — писал он в этом году, — чтобы растерзать скорее свою благородную исполинскую грудь, поверила в прогресс демократический... Она приняла жар изнурительной лихорадки за прорезывание младенческих зубов, за государственное возрождение из собственных недр своих, без помощи чуждого потока!... Большинство образованных людей нашего времени предпочли быть алхимиками, отыскивающими философский камень всеблаженства земного, астрологами, вычисляющими мечтательные детские гороскопы для будущего всех людей, бесплодно и прозаично уравненных»**. В глазах Леонтьева Европу ждет будущее, связанное с религией прогресса, сулящее ей гибель, но в котором будут реализованы все те начала жизни, которые воспитаны, вскормлены, созданы ненавистной ему, — как впоследствии и Соловьеву — религией прогресса. *Политически* Европа должна будет прийти к полному умерщвлению национального начала в государственной жизни. Племенные и национальные государства сменятся европейским интернационализмом. «Современная политическая борьба prepares путь республиканскому космополитизму»***.³ *Социально* — это будет господство экономического уравниательства и народопоклонства.

Из двух созидателей этого будущего Европы — буржуа-капиталиста и рабочего-социалиста — Леонтьев не был на стороне ни того, ни другого. «Капитал недавно, — писал он, вспоминая Парижскую коммуну и создание Третьей республики, — в образе Тьера и рукой Мак-Магона, победил восстание недовольного труда. Мы признаемся откровенно, что не можем даже и притвориться сочувствующими той или другой стороне. Для нас одинаково чужды и даже отвратительны обе стороны — и свирепый коммунары, сжигающий тюильрийские сокровища, и неверующий охранитель капитала, республиканский лавочник...»****.⁴ Будущее Европы — в руках этих двух, и для Леонтьева ясно, каково оно будет: «Должно воцариться господство денег и мелкой учености, грубая *плутократия* и болезненная, робкая *грамато-кратия*... И в этой же стране (во Франции) впервые явилось, как *реакция* противу господства либеральной и оппозиционной *плутократии*, учение *экономического равенства*, учение вначале мечтательное и кроткое, а позднее взявшее в руки ружье, динамит и револьвер... *Все* сделают позднее

* Вл. Соловьев. Собр. соч., изд. 2, т. X., стр. 225.

** К. Леонтьев. Собр. Соч., т. 5, стр. 239 и 249.

*** Т. 6, 200 стр.

**** Собр. Соч., т. VII, стр. 69.

то же, что и Франция»^{*5}. «Повсеместное господство мещанского капитализма может быть весьма непродолжительно, — говорит Леонтьев в другом месте, — но *пережить* его придется всей Европе неизбежно. С чистой повсеместной капиталистической и “рациональной” республикой социализму, выждав свое время, гораздо легче будет справиться, чем с таким более сложным обществом, в котором церковь, монархия и высшие сословия еще не совсем утратили свое влияние... Религия играет теперь везде на Западе второстепенную и служебную роль; еще держится кой-как монархия. Но и она должна погибнуть. Еще в 40-х годах большинство представителей теоретического социализма утверждало, что демократическая республика есть та политическая форма, при которой единственно возможно осуществление социальных задач. Вот почему я говорю, что мещанскую всеобщую и, быть может, и федеративную (т.е. *международную*) республику придется Западу скоро переживать... Европейская революция есть всеобщее *смешение*, стремление уравнять и обезличить людей в типе *среднего*, безвредного и трудолюбивого, но безбожного и безличного человека... Для Запада это ясно. Но кто возьмется решить теперь, будет ли эта ассимиляционная революция *неотвратимо всемирной*, или найдет и она свой естественный и непреодолимый предел? И если встретит она, наконец, могучий и победоносный отпор, — то откуда ждать его? От “потрясенного Кремля”? Или от “неподвижного Китая”?^{**6}. Это писал Леонтьев в 1891 г. — в год своей смерти. В этот год он давал на поставленные вопросы ответ, исполненный величайшей безнадежности: революция безбожия, уравнивания и жалкого исповедания веры в прогресс всеобща, всемирна и неотвратима. Человечество бесконечно-старо. Стара и Россия: «потрясенный Кремль» может лишь на исторический миг — и то при исключительной, почти невозможной исторической удаче, — задержать наступление всемирной катастрофы. «Недвижный Китай», — тот, самый, на который с апокалипсическим ужасом озирался в конце жизни Вл. Соловьев, — может сыграть лишь роль молота, своей тяжестью дробящего то, что и без того, по слабости своей, обречено на гибель. Истории конец. «Когда всюду заведут самоуправство, республики, демократию, коммунизм, — тогда Антихристу откроется простор для действия»⁷ — Леонтьев с совершенным единомысленным согласием цитирует эти слова епископа Феофана Затворника^{***}, — эта мысль церковного писателя-подвижника является для него церковною печатью, скрепляющею своим приложением его исторические, политические анализы и домыслы.

Так было в год смерти Леонтьева. Но ранее, в иные годы, он иначе отвечал на свои вопросы. В гибели Европы в пучинах предапокалипсического смешения, прогресса и безбожия он не сомневался. Резко расходясь с ранними славянофилами и славянофилами-современниками вроде Ив. С. Аксакова, он не верил и в культурную самобытность, историческую молодость, политико-социальную инаковость славянского мира в сравнении с Европой⁸. Он считал, что чехи, болгары и сербы — лишь жалкие провинциалы европейской цивилизации и ее грехов и суеверий, каковы: религия прогресса, безбожие, идолопоклон-

* Собр. Соч., т. VII, стр. 727. Курсивы самого Леонтьева здесь и всюду дальше.

** Там же, стр. 416–417. «На смерть Пазухина» (1891 г.).

*** Там же, 419 стр.

ство пред грядущим политическим и социальным раем и т.д. Но для *России*, для ее будущего, он готов был делать исключение. Она должна была и могла дать отпор предапокалипсическому ужасу мещанского космополитизма, социального уравниательства и безбожного, идолопоклонствующего пред наукой, прогрессом и самим собой человечества.

«Пессимист, так сказать, *космический*, в том общем смысле, что зло, пороки и страдания я считаю и неизбежными, и косвенно полезными для людей “дондеже отгьметса луна”⁹, я в то же время *оптимист для России*, собственно для ее ближайшего будущего, оптимист *национально-исторический*»¹⁰, признавался Леонтьев даже в 1888-м году^{*}.

Но этот «оптимизм национально-исторический», которому мнится будущее начало новой России на берегах Босфора, будущее разрешение Россией социального вопроса и тем самым преодоление ею страшного развала Запада с его капитализмом и социализмом, будущее цветение самобытной православной эллино-русской культуры, — этот «оптимизм национально-исторический» у Леонтьева вкраплен, как милый блестящий самоцвет, в такую монолитную глыбу всемирно-исторического, поистине апокалипсического пессимизма и отчаяния, что он тонет в ней, расплывается, окрашивается в ее мрачные тона, пока, наконец, совсем не исчезает в ее теми и апокалипсическом мраке. Я много раз перечитывал каждую строку Леонтьева; когда я пишу о его русском оптимизме, тонушем в его же всемирном пессимизме, я все время держу в памяти его ликующую, такую солнечную и безоблачную мечту о русских босфорских садах: «за изворотами извилистого исторического пути нашего я вижу ясно его цель: зеленые сады, разноцветные здания и золотой крест Св. Софии над прекрасными волнами великого фракийского Босфора; на берегах его нам возможно будет, наконец, содрать с себя ту европейскую маску, которую намазала на лицо наше железная рука Петра I, дабы мы могли неузнанными или полуузнанными пройти шаг за шагом то вперед, то как будто назад — до заветной точки нашего культурного возрождения»,¹¹ — я все время помню, что эти великолепные мечтания Леонтьев снабдил высокоответственным пояснением: «Так думал я уже тогда (в 70-м году), так верю и теперь»^{**}.¹² — в 1887-м, — и все же я знаю, что эта вера была не та, которая способна сдвинуть гору: это была политическая вера, скупаемая апокалипсическим неверием, — уста исповедуют эту веру, а сердце шемит иное, страшное предчувствие: «Сему не быть. Быть худу». В те же 70-е годы, когда он так верил, он заканчивал свою крупнейшую работу «Византизм и Славянство» шемящим предчувствием: «Молодость наша, говорю я с горьким чувством, *сомнительна*. Мы прожили много, *сотворили духом мало* и стоим у какого-то страшного предела...»^{***}.¹³ В 1877-м году, когда так близко была к осуществлению мечта о русских садах на Босфоре, его любимая мечта, с которой у него было связано столько воплощений новой русской культуры, религиозной по духу, эллинической по преданию, национальной по существу, — он пишет другу в письме, наполненном рассуждениями о войне и восточном вопросе:

^{*} Собр. Соч., т. VII, стр. 324.

^{**} Т. VII, стр. 114.

^{***} Т. V, стр. 258.

«Впрочем (это между нами, прошу вас), мне кажется, что царство Антихриста во всяком случае близко, и в *духовном* смысле избранных (то есть для себя *лично* верующих “во едину, святую, соборную, апостольскую Церковь”) все будет меньше и меньше. Но *эти немногие правы*. Во всяком случае события, хотя бы в худом направлении, но будут расти и растут... События, мой друг, все растут и вы растете, а я все умаляюсь, смиряюсь, все гасну для мира. Равнодушия моего (даже и к Восточному вопросу, за успешное решение которого я ручаюсь, но не верю в то, что наше и юго-славянское хамство изменят свой скверный буржуазный быт), равнодушия моего я вам выразить даже не могу*». Так же было и в 1887-м году, когда Леонтьев, по приведенному художественному признанию, продолжал верить в культурно-историческую мечту свою. Самая вера эта — как беззащитна она пред страшными предчувствиями, которые томят его! В тех же «Записках отшельника», из которых извлечено место о русских садах босфорских, как ясно вскрывается мучительная условность этой веры: «Россия — глава мира, возникающего для самобытной, новой и *многосложной* зрелости»: прямо, крепко и почти грозно исповедуется эта вера, и тут же перечеркивает автор только что приведенную им черту русского восхождения иной чертой русской гибели, сливающейся с гибелью всечеловеческой: «*Если же нет*, если мы ошиблись, то и Россия погибнет скоро (исторически скоро), слившись так или иначе со всеми другими народами Запада в виде жалкой части какой-нибудь рабочей, серой, безбожной и бездушной, федеральной мерзости! И не стоит тогда и любить ее!»**¹⁴. А за этой рабочей, безбожной, федеральной мерзостью — вспомним — идет, по Леонтьеву, будущий князь мира — Антихрист, и «гибель историческая» для России должна смениться гибелью мистической и религиозной. Для Леонтьева — наступление будущего строя жизни, — политически определяемого как международный федеративизм, социально характеризуемого, как «рабочий, серый и безличный земной рай, освещенный электрическими солнцами и разговаривающий посредством телефонов от Камчатки до мыса Доброй Надежды»***¹⁵, — не есть только факт эмпирический, событие, совершающееся только в плоскостях исторических: нет, это есть факт исключительной, безмерной религиозной важности, это есть вступление истории под грозную комету Апокалипсиса. Поэтому от того, как отнесется Россия к этой всемирной тяге к Царству безбожного, технически-сильного, социально-уравнительного, наукой — могучего, себе поклонившегося человечества, от того, что сумеет она противопоставить этой тяге, на что обопрется, чтобы не быть унесенной всеобщим потоком, — от того, на каком основании — веры или безбожия, твердого исторического начала или социального безначалия — станет Россия, зависит, в глазах Леонтьева, погибнет ли она мистически, будет ли осуждена религиозно, или нет, изберет ли она Христа или Антихриста.

Друг, ученик, издатель и величайший знаток Леонтьева, покойный о. И. Фудель утверждал в своей замечательной статье о Леонтьеве и Вл. Соловьеве: «с ка-

* Письмо к К.А. Губастову из Кудиново, 2 авг. 1877 г. «Русское Обозрение», 1894, № 11, стр. 393.

** Т. VI, стр. 104.

*** Т. VII, 60 стр.

ким бы восторгом (Леонтьев) воскликнул: “Осанна” своему старому другу, когда появились его “Три разговора” и “Повесть об Антихристе”!»¹⁶ Я думаю, что с особым восторгом признал бы Леонтьев, прочтя названные сочинения Соловьева, что Соловьев выявил и совершенно точно выразил его любимейшую мысль, столько раз им высказанную, в известных словах г. Z. (alter ego самого Соловьева): «Прогресс действительно есть симптом. Прогресс, т.е. заметный ускоренный прогресс, есть всегда *симптом конца*»¹⁷. *Политик* возражает на это: «Я понимаю, что если дело идет, например, о прогрессивном параличе¹⁸, то это есть симптом конца. Но почему же прогресс культуры или культурности непременно должен быть симптомом конца?»¹⁹. — На это г. Z. отвечает: «Да, это не так очевидно, как в случае паралича, однако это так»²⁰. Леонтьев много раз сам пользовался самым даже этим сравнением страшной болезни с историческим явлением, прикрываемым одним и тем же словом «прогресс»^{**}, но еще больше порадовался бы он соловьевской определенности, с какою на упрямое переспрашивание политика: «Вы говорите “симптом конца”. Конца *чего?* — я спрашиваю», г. Z. отвечает: «Да конца того, о чем у нас была речь. Ведь мы толковали об истории человечества, о том историческом “процессе”, который несомненно стал идти ускоренным темпом и, как я убежден, приближается к своей развязке». Чтобы пресечь всякую возможность оставить этот ускоряемый прогрессом конец истории в области чистой эмпирики и мыслить его безрелигиозно и амистично, г. Z., на иронический вопрос толстовствующего князя: «Вероятно, вы и Антихриста не оставите без внимания?» — отрезывает с исчерпывающей ясностью: «Конечно, — ему первое место»^{***}.

В этом разговоре, — взятом из произведения, о котором лучший знаток Леонтьева и его мысли был убежден²¹, что оно было бы принято Леонтьевым с восторгом единомыслия, — находится ключ к пониманию всего Леонтьева. Прогресс современного человечества — со всем, что его сопровождает: враждой ко Христу, безбожием, слепой верой в науку, преклонением перед идеями демократии, равенства, гражданской свободы, идолопоклонством пред золотым будущим человечества, обожествлением человекобога, и т.д., и т.д. — есть симптом надвигающегося конца истории. Таким же симптомом конца является и ясный эмпирический факт дряхлости человечества, исчерпанности живых расовых и племенных сил, творивших историю, оскудение и исчерпание человеческого материала для истории. Все это — симптомы пришествия религией указуемого — пришельца конца — Антихриста.

Сотнями сопоставлений, выдержек, анализов, идеологических разрезов можно доказать, что это — все любимые, заветнейшие мысли Леонтьева, что вокруг этого стержня вращается неизменно его мысль, это томит его, мучит и побораеет всякую его политическую веру. Все — наполняющие томы его сочинений, рассуждения Л<еонтье>ва о Византизме и Славянстве, о существовании современной европейской культуры, о сравнительном значении в ней капитализма и социа-

^{*} Прот. И.И. Фудель. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях. «Русс<кая> Мысль». 1917 г., Кн. XI–XII, стр. 28.

^{**} Напр., в «Византизме и Славянстве».

^{***} Вл. Соловьев. Три разговора. Собр. Соч., изд. 2, т. X, стр. 159–160.

лизма, религии и науки, о существовании истории и законах культурно-исторических смен, о формах жизни социальной, национальной, государственной и их значении для того или другого исхода местной и всемирной истории, — есть лишь пламенное, острое, то гневное, то безнадежно-скорбное изучение *симптомов конца*, тем самых, о которых у Соловьева говорит г. Z. Но это изучение не есть для Леонтьева простое констатирование, после которого изучивший спокойно отходит в сторону. Нет! Леонтьев — великий актуалист: он верит в возможность парализовать, временно ослабить и устранить действие тех или других исторических сил, порождающих тот или другой «симптом конца», и, обратно, поддержать, усилить, учетверить ту историческую силу, действие которой симптоматизирует не конец, не разрушение, а историческое здоровье и жизнь. Вот почему, при всемирно-историческом глубоком пессимизме своем, при глубочайшем религиозном, православном неверии в мирно-благоденствующий исход истории, он верит в возможность еще долгого действия отдельных исторических сил, порождающих симптомы жизни, а не конца, при видимом и неуклонном все же возрастании общих «симптомов конца». Эта вера связана у него с Россией, но это только потому, что в России он видел в наличности силы, действие которых конец не симптоматизирует: таковы — на его оценку — Церковь, монархия, быт.

Огромному, тонкому уму Леонтьева была свойственная способность живого учета действующих реальных исторических сил. Он понимал, — в отличие от Вл. Соловьева, суждения которого по вопросу социальному и экономическому представляют самое слабое из всего, что он написал*, — все роковое значение для современной культуры и для будущности Европы — рабочего вопроса, вопроса экономического и социального. От того или иного разрешения этого вопроса, по его мнению, зависит эмпирическое уменьшение или умножение «симптомов конца»: как решится этот вопрос — вопрос человеческого труда и хлеба — с Богом или против Бога? Леонтьев понимал, что он может быть решен так или не так, но не нейтрально, не вне отношения к религии. В противоположность многим мыслителям своего времени, Леонтьев признавал социализм, как проблему и как факт, неотвратимым для Европы и для России. Вопрос был в том, что принесет он истории — ускорит ли он процесс разложения, или временно задержит это разложение, соединившись с уцелевшими твердынями — религией и грозной властью? Вот в разрешении этого-то вопроса Леонтьев и отводил первенствующую роль России.

«Я не могу просто отогнать мысли, что Россия решит со временем наилучшим образом *собственно экономический* вопрос. *Ведь он на очереди*; этого *скрыть* нельзя; и *мы на очереди*»**.22 Решать этот вопрос придется России при одном бесспорном условии: при неотвратимости социализма. Обращаясь к ненавистным ему «либералам», Леонтьев еще в 80-м году писал: «Социалисты везде ваш умеренный либерализм презирают. И они правы в своем презрении. И как бы ни враждовали эти люди против *настоящих охранителей* или против форм и приемов охранения, им *неблагоприятного*, но *все существенные стороны охранения*

* См. об этом: Е. Трубецкой. Мировоззрение Вл. Соловьева, том II.

** Т. VII, стр. 324.

тельных учений им самим понадобятся. Им нужен будет *страх*, нужна будет *дисциплина*; им понадобятся *предания покорности, привычка к повинению*; народы, удачно (*положим*) экономическую жизнь свою пересоздавшие, но *ничем на земле все-таки неудовлетворенные*, вспыхнут тогда новым жаром к *мистическим учениям* и т.д.»²³ Социализм, по мнению Леонтьева, поведет вовсе не к свободно-правовым государственным построениям: «когда мы говорим — *не либеральным*, мы говорим неизбежно тем же самым *не капиталистическим*, менее подвижным в экономической сфере построениям...»²⁴. Коммунисты, нынешние революционеры, «служат бессознательную службу *реакционной организации будущего*»²⁵.

Здесь — в этой организации — и будет дело России. В письмах к друзьям Леонтьев говорит об этом со стремительной ясностью, с какой-то, почти безумной, надеждой отчаяния: «Когда я думаю о России будущей, пишет он Губастову в 1889 г., — то я как *condition sin equa non*²⁵ ставлю появление именно таких мыслителей и вождей, которые сумеют к делу приложить тот род ненависти к этой все-Америке, которую я теперь почти одиноко и в глубине сердца моего бессильно пылаю! *Чувство* мое пророчит мне, что славянский *православный Царь* возьмет когда-нибудь в руки *социалистическое* движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви *учредит* социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот *социализм* новым и суровым трояким *рабством: общинам, Церкви и Царю*. И вся Америка эта Ренановская — к чорту!»²⁶. «Социализм в XX и XXI веке начнет на почве *государственно-экономической* играть ту роль, которую играло христианство на *почве религиозно-государственной* тогда, когда оно начинало *торжествовать*.

Теперь социализм еще находится в *периоде мучеников и первых общин*, там и сям разбросанных. Найдется и для него *свой Константин* (очень может быть, и даже *всего вероятнее, что этого экономического Константина* будут звать Александр, Николай, Георгий, то есть ни в каком случае не *Людвик*, не Наполеон, не Вильгельм, не Франциск, не Джемс, не Георг...)... То, что теперь — крайняя революция, станет тогда охранением, орудием строгого принуждения, дисциплиной, отчасти даже и рабством... Либерализм есть несомненно разрушение, а социализм может стать и *созиданием*. Но это купится ценой долгой приостановки *того безумного движения*, которое охватило теперь (с XVIII века) разрушаемый эгалитарную свободой старый мир»²⁶. С иступленной жутью рисуя это будущее рабство перед концом мира, способное на время задержать мировое разложение, Леонтьев *знает, какой* ценой оно будет куплено. Запад не выдержит этой цены: «Общественные организмы (особенно западные), вероятно, не в силах будут вынести *ни расслоения*, ни глубокой мистики духовного единства, ни тех хронических жестокостей, без которых *нельзя* ничего из человеческого материала надолго построить. Вот разве *союз социализма* («грядущее рабство», по мнению либерала Спенсера) с *русским самодержавием* и *пламенной мистикой* (которой

* Т. VII. Стр. 217.

** Т. VI. 60, 82 стр.

*** «Русс<кое>Обозр<ение>», 1897 г., № 5, стр. 417.

**** Там же. Стр. 402.

философия будет служить, как собака) — это еще возможно, но уже *жутко же* будет многим»²⁷. Исполнение этого безнадежного, страшного чаяния своего сам Леонтьев связывает с такой тьмой отчаяния и последнего, почти демонического разоблачения человеческих мечтаний о всечеловеческом благе, венчающем всемирную историю, что заканчивает свою страшную картину восклицанием, предельным по отчаянию и мраку своему: «И Великому Инквизитору позволительно будет, вставши из гроба, показать тогда язык Фед<ору>Мих<айловичу> Достоевскому»²⁸, — как проповеднику вселенской чаемой гармонии.

Если же этого не будет, если не суждено быть этому железному кованому царству мистики, силы и социального рабства, тогда конец России, и с нею конец истории, ибо рухнет тогда последняя железная рогатка, преграждающая путь силам, сокрушающим историю и человечество. «Иначе (если социализм не будет в силах создать попеременным путем — и крови, и мирных реформ — *новое неравенство прав и новую разнородность развития*) иначе близится *конец всему...* Однородное буржуазное человечество, дошедшее путем всеобщей, всемирной однородной цивилизации до такого однообразия, в котором находятся дикие племена, — такое человечество или задохнется от рациональной тоски и начнет принимать искусственные меры к вымиранию; или начнутся *последние* междоусобия, предсказанные Евангелием (*я лично в это верю*); или от неосторожного и смелого обращения с химией и физикой, люди, увлеченные оргией изобретений и открытий, сделают, наконец, такую исполинскую физическую ошибку, что и “воздух как свиток совется” и “сами они начнут гибнуть тысячами”... С моей стороны прибавлю, что... я и грехом не считаю от всей души желать, чтобы они, средние все-европейцы будущего, полетели вверх тормашками в какую-нибудь цивилизацией ископанную бездну...»²⁹.

Страшная мечта о будущей грозной России социалистической, сурово-государственной, мистической, была, кажется, последней мечтой Леонтьева, последней надеждой отвратить на время конечную гибель. Умер ли он с нею, или она умерла у него раньше его смерти?

Мечтая так, построая свою мрачную схему будущего русского социально-мистического царства, Леонтьев стоял по существу на той же первой магистрали русского самосознания, на которой он стоял и тогда, когда мечтал о босфорских садах и кресте на Св. Софии, — точнее: он отчаянно не хотел сходить с нее: какой бы то ни было ценой, лишь бы отсрочить Апокалипсис, лишь бы задержать для России наступление последних времен и сроков. С ослеплением любви к России, он готов был верить, что *мистические* сроки могут быть *эмпирически* отсрочиваемы, что мерами *политически-социальными* может быть задержано наступление сил *апокалипсических*, что железная политика и властная социология до времени отстранят апокалиптику и эсхатологию. Я говорю: «готов был верить», можно бы сказать: уверял себя, что верит, уверял себя, что, проводя свою страшную черту для России, где-то совсем поблизости к областям апокалипсическим, все-таки ведет ее еще в чистой эмпирике, вне пределов Апокалипсиса. И однако, веря своей вере в это, давно уже в действительности сошел с этой еще благополучной черты и перешел в области явной апокалиптики. Трагизм

* <пропуск> Стр. 402.

Леонтьева именно в том, что он мечтал апокалипсическое ядро России зажать в тиски эмпирических твердынь Церкви, как внешней организации, монархии и социализма, как рабства. Так же поступал он и с самим собой — и свою апокалипсическую сердцевину мнил он ущемить в тисках государственной и всякой иной эмпирики. Он сделать этого не мог: тиски слабели, броня эмпирическая ломалась — и сердцевина обнаруживалась: исчезала его надежда на Россию, рушились все основания веры в ее будущее, она оказывалась лицом к лицу с гибелью, богоотступничеством, Антихристом. С беспредельным отчаянием говорит он о тех признаках конца, которые, как тучи, густеют на мировом горизонте: тем, кто с этими признаками знаком по Вл. Соловьеву, ждет удивление: у Леонтьева они те же, но указаны за десять, за двадцать лет до Соловьева: тут и Китай, и исчерпание человеческого материала для истории, и торжество религии прогресса. Россия не преодолет социализма. Она войдет в состав всевропейской федерации, той самой, которую Соловьев называл в п<овести><<>Т<ри>р<азговора>> «европейскими соединенными штатами»³⁰. Она разделит судьбу Европы. Более того: она войдет в авангард Европы по дороге к царству Антихриста.

«Где *новые* сильные духом неизвестные *племена*? — спрашивает Леонтьев* — Их нет нигде. Азиатские народы — древни, африканские — бездарны, Америка — это все та же Европа, только более грубая и более бедная историческим содержанием. Америка, молодая государственно, — национально и культурно очень стара. *Все человечество старо. Не молоды и мы.* Оставим это безумное самообольщение! В некоторых отношениях мы даже дряхлы...». ³¹ Это писано в 1891 году, а через девять лет к этому же пришел и Соловьев, восклицая: «Говорите усталому разочарованному и разбитому параличом старику, что ему еще предстоит бесконечный процесс его теперешней жизни и земного благополучия... “Уж какое тут, батюшка, благополучие, какая жизнь! Лишь бы прочее время живота непотыдно да без лишних страданий дотянуть до близкого конца”»^{**}.

Не Россия, преодолев, сокрушит разрушительную силу социализма, а сама будет разможжена им: «Общеевропейская рабочая республика, силы которой могут быть *временно* объединены под одной какой-нибудь могучей диктаторской рукой, может быть (опять-таки очень ненадолго) так сильно, что будет в состоянии принудить и нас принять ту же социальную форму, втянуть и нас “огнем и мечом” в свою федерацию»^{***32}.

Россия стоит «между двумя пробужденными азиатскими мирами, между *свирепо-государственным исполином* Китая и *глубоко-мистическим* чудищем Индии с одной стороны, а с другой — около все разрастающейся гидры *коммунистического мятежа* на Западе... Мы поставлены в такое центральное положение именно для того, чтобы, окончательно смешавши *всех и вся*, написать последнее: “*мани-факел-фарес*”! на здании всемирного государства... *Окончить историю, погубив человечество.* Ибо ни новых диких племен, ни старых уснувших культурных миров тогда уже на земле не будет»^{****33}. Страшное предведение Леонтьева

* Собр. соч. Т. VII, 416.

** Собр. соч. Т. X, стр. 225.

*** Собр. соч., VII, 66.

**** Т. VI. 47–48.

стало впоследствии предведением Вл. Соловьева. Не нужно напоминать, какую роль в его эсхатологических построениях играл *Китай*; следует, быть может, напомнить только, что в событиях, разыгрывающихся пред пришествием Антихриста, немалое место занимает коммунистический мятеж на Западе — вспыхивающее в Париже, «восстание рабочих *sans patrie*»,³⁴ что великий маг, спутник Антихриста, Аполлоний, является из тайников нео-буддизма и мистику и магию Индии несет на службу Антихриста* и что наконец, по свидетельству Н. Толстого, «относительно Антихриста Соловьев одно время предполагал, что он придет от буддизма»**.

В раздумьи над грядущим делом России в времена последние Леонтьев, признаваясь, что Соловьев «поколебал в самые последние 2–3 года мою культурную веру в Россию», среди нескольких возможных проэкции этого русского будущего, мучительно борется между двумя: что суждено России? — «религиозное призвание, последнее возрождение вселенского христианства для последней отчаянной борьбы с безверием (или анти-христианством, анти-Христом), или, то разрушительно-социалистическое назначение, возможности которого на Западе с нашей стороны (не без основания также) многие опасались и опасаются»***.³⁵

Ледяным холодом отчаяния веет от других слов Леонтьева, уже взятых не из письма, а из предсмертной статьи: кажется, его выбор теперь уже сделан, что ждет Россию — ему уже ясно: «Чтобы русскому народу действительно пребыть надолго тем народом “богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народолобец Достоевский, — он должен быть *ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен*. Иначе, через какие-нибудь полвека, не более, он из народа “богоносца” станет мало-помалу “народом-богоборцем”, и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей... И — кто знает? — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель *новой Веры*, — и мы, неожиданно, через 100 каких-нибудь, из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных или уже слабо-церковных — родим того самого Антихриста, о котором говорит еп. Феофан вместе с другими духовными писателями. Не надо забывать, что Антихрист должен быть еврей, что нигде нет такого множества евреев, как в России»****.³⁶ В этих словах — уже дан образ мистической гибели России.

Эмпирический же вид гибели России возможен, по Леонтьеву, только двух родов: «можно почти наверное предсказать, что Россия может погибнуть двояким путем, или с Востока от меча пробужденных китайцев, или путем добровольного слияния с обще-европейской республиканской федерацией»*****.³⁷ Войны пред концом России связываются для Леонтьева с какой-то, ему не совсем ясной, ролью Германии. Он рад воцарению «опрометчивого Вильгельма II, который, того и гляди, доведет до войны, которой я жажду для окончания восточ-

* Собр. соч. Т. X., стр. 196, 205.

** Николай Толстой. Из воспоминаний о Вл. Соловьеве. «Московские Ведомости», 1896 г., № 179.

*** Письмо к Губастову от 5 июня 1889 г. «Русское Обозрение». 1897, № 5, стр. 407.

**** Т. VII, 425.

***** Там же. 377.

ного вопроса»^{*.38} Германия, по его воззрению, «несет на знамени своем ничего своего, ничего нового» — лишь одно «преобладание для преобладания»^{**}. И все это, очевидно, окажется не без участия, не без своей доли в будущих войнах конца. Повторяющиеся предчувствия томят Леонтьева перед смертью. В год смерти он признается интимнейшему своему корреспонденту — В. В. Розанову:^{***} «Полагаю, что китайцы назначены завоевать Россию, когда смешение наше (с европейцами и т.п.) дойдет до высшей своей точки. И туда и дорога — *такой* России. “Гоги и магоги” — *finis mundi!* После этого что еще останется? Без *новых* диких племен или без способных к пробуждению, что возможно? Вообще — *немного* человечеству *остается*, мне кажется... Точные науки ускоряют погибель. “Древо познания” иссушивает мало-помалу “Древо жизни”». За месяц до смерти он посылает Розанову «несколько “безумных афоризмов” — и в их числе заметка: «И Церковь говорит: “конец приблизится, когда Евангелие будет проповедано везде”»³⁹. Это время представляется Леонтьеву близким. В умственной борьбе и в сердечном влечении к Вл. Соловьеву он так мыслит цель всей работы и мысли Вл. Соловьева: «его главная *духовная* цель — «спасти посредством воссоединения Церковью наибольшее количество христианских душ и приготовить христианское общество к эсхатологической борьбе, к пришествию Антихриста и страшному последнему Суду Божию»^{****40}.

Но и в эту возможность — *многих* спасти, *многих* подготовить к концу мира — у него нет веры. Еще до мыслительной встречи с Соловьевым он мыслил конец истории и состояние христианства в эпоху конца в форме крайней безнадежности: Он писал: «Человек, *истинно верующий*, не должен колебаться в выборе между верой и отчизной. *Вера должна взять вверх* и отчизна должна быть принесена в жертву, уже по тому одному, что всякое государство земное есть явление преходящее, а *душа моя и душа ближнего вечны и Церковь тоже вечна*; вечна она — в том смысле, что если 30.000 или 300 человек, или *всего три* человека останутся верными Церкви *ко дню гибели всего человечества на этой планете* — (или ко дню разрушения самого земного шара) — то эти 30.000, эти 300, эти три человека, будут *одни правы и Господь будет с ними*, а все остальные миллионы будут в заблуждении»^{****.41} В этих словах — опять бесспорное и близкое родство Леонтьева с Вл. Соловьевым — родство по апокалипсизму. Как показал кн. Е. Н. Трубецкой в своем «Мирозерцании Вл.С. Соловьева», последний, эсхатологический период деятельности Соловьева характеризуется полным крушением его теократической мечты, а вместе с тем и его веры в особое теократическое предназначение России⁴². Из «Повести об Антихристе» ясно, что никакая национальная надежда уже не может быть связуема с земными судьбами христианства, ничья судьба — ни народа, ни государства — не скреплена с его судьбой: судьбы Божии одни свершаются отныне в мире. Эта же мысль заключена в приведенных словах Леонтьева: «вера должна взять вверх — говорит он, — «и отчиз-

* Письмо 1888 г. «Русское Обозрение». <1897> № 3., 457 стр.

** Там же, 447.

*** Из переписки К. Леонтьева. «Русский Вестник», 1903 г. № 5, стр. 181.

**** Т. VII, 285 стр. Статья 1888 г.

***** Т. VII, 249.

на должна быть принесена в жертву». Как для Соловьева — его теократия представляется уже чем-то «преходящим», с чем должно расстаться» пред «судьбиной Божьей», так для Леонтьева становится ясной внешне рационально столь простая, но мистически столь трудно усваиваемая истина, что «всякое государство земное — явление проходящее» — в том числе и то, которое он готов был мнить долгодетствующим, новым, задерживающим апокалипсические времена и сроки — русское. Как Соловьева смерть взяла с земных путей тогда, когда он пришел в мысли и религиозном сознании своем к преддверию путей апокалипсических, так и Леонтьев, выдержав долгую муку разуверений в своих надеждах на земные силы, отсрочивающие наступление сроков свыше указуемых, пришел незадолго до смерти к убеждению, что магистраль исторического долгодетствия России клонится к низу и умалется, а таинственная черта, указующая путь к Апокалипсису, все яснее, крупнее и становится неотвратимой и неистребимой...

Предсмертную статью свою («Над могилой Пазухина») он наполняет выдержками из проповеди «Отступление в последние дни мира» епископа Феофана Затворника — одного из тех православных подвижников, которые являются продолжателями православного дела и служение преподобного Серафима Саровского, — продолжателями и его апокалипсических предчувствий и ведений. Апокалипсическая мысль епископа Феофана сходится с апокалипсической мыслью Леонтьева: подобно Леонтьеву, епископ исповедует убеждение: «Когда всюду заведут самоуправство, республики, демократию, коммунизм, — тогда Антихристу откроется простор для действия. Сатане не трудно будет готовить голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции прошедшего и нынешнего столетий. Некому будет сказать властное «veto», а смиренного заявления веры и слушать не станут. Вот тогда заведутся всюду такие порядки, благоприятствующие раскрытию Антихристовых стремлений, тогда явится и Антихрист. До того же времени подождет, удержится»*.⁴³

Леонтьев — вскормленник православного монастыря. Он — духовный сын и верный послушник того самого великого оптинского старца Амвросия, который учил: «Если в России, ради презрения заповедей Божиих и ради других причин, оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, т.е. в Апокалипсисе»**⁴⁴. Для Леонтьева эта мысль была результатом всего его мыслительного труда, выводом, извлеченным из всех его многосложных культурно-исторических построений, — и, наконец и важнее всего, истиной духовного ведения, открытой подвижникам и праведникам, — и в их числе тому, от кого лучился в его душу вечный и всеосвещающий свет православия, — старцу Амвросию. Эта была для него, стало быть, истина полная и окончательная.

Так таинственная, подспудная черта апокалипсических томлений, чаяний, ведений, берущая начало в темных глубинах русского народного апокалипсического ядра, проходит чрез пределы русского монастыря, чрез кельи святых и подвижников и обнаруживается неожиданно в многоятежной мысли и душе русского

* Собр. соч. Леонтьева, т. VII, 419 стр.

** Письма иеросхим. Амвросия к мирским особам, вып. 1.

мыслителя, — но этот мыслитель, страстный изыскатель спасительных противоапокалипсических всемирно-исторических проэкции, этот напряженный искатель мировых сил, ограждающих от апокалипсической яви, в то же время является покорным послушником православного монастыря, уже живущего под знаком Апокалипсиса, верным учеником старца, уже наследующего апокалипсическое ведение от святого. И грубо, спешно и призрачно копаемые Леонтьевым культурно-исторические рвы для ограждения России от эсхатологических нашествий, оказываются слабым и тщетным, земным и потому напрасным подобием той трехаршинной канавки, которою святой Серафим ограждал от апокалипсических бед свою Русь — свое сияющее Дивеево... И чем явней и ясней становилась верному оптинскому послушнику необоримая крепость и нерушимая непроходимость этой единственной ограды — Церкви, тем более тщетными и ненужными начинали представляться мыслителю Леонтьеву копаемые им рвы... Уже не за эти рвы и не за твердины культурно-государственных русских фортов — а за эту незримую ограду Церкви стремился он в предведеньи близ грядущих бед, — он, слышавший одним из первых топот коней Апокалипсических всадников среди русских полей.

5.

Не нужно доказывать, что та часть литературного наследия Соловьева, которая наиболее дорога нашему времени и которая, по изучению его друга и комментатора, кн. Е. Н. Трубецкого, представляет собой высшее достижение его философии, венец его творческих усилий, — есть его «Три разговора» и «Повесть об Антихристе», и если бы Вл. Соловьеву суждено было жить и творить далее, его творческий путь совпал бы уже всецело со второй магистралью русского самосознания и самочувствия — апокалипсической. Вспомним, что даже необходимость столь чуждой, казалось бы, всякого эсхатологизма, своей работы над переводом Платона он мотивировал кн. С. Н. Трубецкому указанием, что надо же оставить нечто ценное грядущим китайцам, вестникам конца, — т.е. мотивом эсхатологическим⁴⁵. «Перед ним во весь рост встал образ смерти, предстоящей в недалеком будущем всему человечеству. Земной путь последнего представляется философу уже оконченным»*.

Целая цепь разуверений приводит Соловьева к такому заключению, и среди звеньев этой цепи первое место занимает то, порвать которое ему было труднее всего. Это была вера в прогресс, в земное благополучное устройство. Леонтьев, давным-давно потерявший эту веру и уже много лет видевший в прогрессе то, что Соловьев увидел лишь незадолго до смерти — «симптом конца», нетерпеливо ждал, когда же, наконец, Соловьев порвет это звено? Как истый апокалиптик, он отказывался верить в искренность этой Соловьевской веры. С глубочайшим интересом изучая Соловьевскую проэцию всемирной истории, как будущего теократического владычества первосвященника, пророка и царя, он с недоумением вопрошал: *«Не знаю, право, насчет земного благоденствия после соединения Церквей под Папой; как решить: хитрит ли Соловьев или верует сам*

---

* Письма иеросхим. Амвросия к мирским особам, вып. 1.

в эту химеру? Из уважения к его уму — желал бы думать, что он весьма ловко и даже как бы вдохновенно иезуитствует, но *не верит*, ибо это глупо. Из желания же верить его *сердечной совестливости* (так я его *крепко* люблю) — хотел бы *предпочесть искреннее и глупое заблуждение*^{*46}. Это эсхатологическое недоумение Леонтьева: как же Соловьев не видит, что конец истории не может быть даже и мистико-теократическим благополучием, а должен быть гибелью, последней борьбой добра и зла, пришествием Антихриста, — было так велико, что он оказался предвидцем того самого, к чему Соловьев пришел в 1900 году: он от себя, от К. Леонтьева, исправил Соловьева 80-х годов в духе Соловьева-эсхатолога 900-х. Он утверждал, что самое соединение Церквей будет возможно в самом конце истории, перед Антихристом. Он надеялся, что цель Соловьева 80-х годов — «спасти посредством воссоединения Церквей наибольшее количество христианских душ и приготовить христианское общество к эсхатологической борьбе, к пришествию Антихриста и страшному последнему Суду Божию»^{**47}. Таким образом, он ставил любезное Соловьеву соединение церквей в связь с пришествием Антихриста, как это сделал чрез 12 лет сам Вл. Соловьев, а вовсе не с торжеством всемирной теократии, мистическим благополучием, как это делал сам Соловьев в 80-х гг., ратуя за соединение церквей. Леонтьев оказался более подлинным Вл. Соловьевым, чем сам Соловьев. И вот пала, наконец, у Соловьева эта вера в мировое заключительное благополучие. В той посмертной статье, о которой сам Соловьев выразился: «Это крик моего сердца»^{***48}, — он с резкостью называет веру в прогресс — по-леонтьевски — «пошлостью» и «бессмыслицей». Он вспоминает убеждение своего отца-историка в близости конца истории. Его чтения об Антихристе вызывают глубокий разлад между ним и интеллигентской молодежью: он дает в письме к учащейся молодежи резкую отповедь — молодым сторонникам религии прогресса, обвинявшим Соловьева в нарушении своею проповедью о конце заповедей христианской любви. «С<оловье>в изображает конец мира как какую-то всеобщую резню», т.к. «общехристианский взгляд на эти вещи» иной⁴⁹. Соловьев и здесь оказывается в положении Л<еонть>ева, гневно всегда утверждавшего, что х-во не обещает мира при конце мира.

После написания «Т<рех>р<азговоров>» Соловьев спрашивает Величко:

- А как вы думаете, что будет мне за это?
- От кого?
- Да от заинтересованного лица. От самого.
- Ну это еще не так скоро.
- Скорее, чем вы думаете!⁵⁰

Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хотя неуловимым дуновением⁵¹.

Соловьев с мрачной иронией — и опять совершенно в леонтьевских тонах — обращается к восхвалителям грядущего земного благополучия: «Однако, госпо-

* Прот. И. Фудель. К. Леонтьев и Вл. Соловьев. «Русская Мысль» 1917 г., кн. XI–XII, стр. 20.

** К. Леонтьев. Собр. соч., т. VII, стр. 285.

*** Кн. С. Н. Трубецкой. Собр. соч., т. 1, стр. 346.

да! Настоящий-то ревизор уж, кажется, приехал, и я вижу на вашем пороге жан-дарма, который сейчас пригласит вас пожаловать»⁵².

На смертном одре он говорит кн. С.Н. Трубецкому о своем отношении к китайским событиям 1900 г.: «Мое отношение такое, что все кончено; та магистраль всеобщей истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу... Профессора всеобщей истории упраздняются... их предмет теряет свое жизненное значение для настоящего; о войне Алой и Белой Розы больше говорить нельзя будет. Кончено все! И с каким нравственным багажом идут европейские народы на борьбу с Китаем... Христианства нет, идей не больше, чем в эпоху троянской войны; только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идут!»⁵³. Теократические ограды Соловьева оказались столь же недействительными, как государственно-охранительные рвы и валы Леонтьева. Но обращению Соловьева к чистому апокалипсизму дает могучий толчок уже сама историческая эмпирика. Леонтьев еще только *чувет* роковую роль Китая в грядущих всемирных бедах, у него еще нет фактов для его предведения, он умирает в 1891 г., когда Китай кажется все еще недвижимым. Историческая феноменология еще не выявляет нужных данных: все еще утаено, все еще в подспудных недрах истории. Но всего через два года Соловьев уже может наблюдать в начавшейся китайско-японской войне первый факт пробуждения желтого Востока. Осенью 1894 г. на озере Сайма он уже пишет свой «Панмонголизм»:

Панмонголизм! Хоть слово дико,
Но мне ласкает слух оно,
Как бы предвестием великой
Судбины Божией полно.

Через шесть лет, — в 1900 г. — словно в уверение нелживости предчувствий, умирающий Соловьев уже видит начало зачинающейся борьбы Китая и Европы, а еще через четыре года — в 1904 — какие малые и ничтожные все сроки! — уже сбывается буквально и точно его страшное предвещание:

О, Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен⁵³.

Так целой цепью фактов эсхатология двух невлиятельных и одиноких русских мыслителей становится феноменологией русской и всемирной истории.

Нужно ли еще и еще указывать на все ширящуюся и крепнущую черту русского апокалипсизма, на все большее и больше число людей и явлений, ею охватываемых? Нужно ли продолжать исчисление этих феноменологических фактов эсхатологического порядка? Что продолжать их можно, — это бесспорно для тех, кто не страдает глухотой к вещаньям истории и голосу современности, но должно ли? Должно ли смыкать концы предвещаний? Должно ли далее обнарживать апокалипсическую непрерывность сознания народного, церковного,

⁵² Собр. соч., т. X, 2 изд., 224 стр.

⁵³ Кн. С.Н. Трубецкой. «Смерть Соловьева». Собр. соч., т. 1, 346.

религиозно-философского, исторического? Должно ли в колеблющихся, стремительных и безумных обликах и образах нашей современности выводить беспретентно грозную вторую магистраль русской истории, черту эсхатологическую, и исчислять, как далек еще ее оставшийся конец?

Я думаю: не должно. Я думаю: у нас нет власти и силы на это. Мне не кажется случайным, что Соловьев умер на рубеже нового века, что он не видал ни японской войны, ни двух революций, ни страшной всемирной войны. Я имею смелость думать, что как Леонтьеву, так и ему было дано — как мыслителям *христианским* — предошутить, мистически видеть и опытно — в глубине души своей — пережить многое из того, что переживаем теперь мы и что пережили в страшные годы двух революций и двух войн. Я назвал Леонтьева и Соловьева *христианскими* мыслителями и этим обусловил возможное, допускаемое мною, их предведение совершающегося по их смерти, — я сделал так потому, что уже непререкаемо и твердо верю, что православным подвижникам последнего столетия, возглавляемым великим святым — преподобным и богоносным отцом нашим Серафимом Саровским, — тайна грядущих судеб России и тайна свершений и приближений сроков и времен была промыслительно открыта и открывается поныне. Их знание, их апокалипсическое преисполнение не может быть нами обнаружено, оно не может быть даже нами вмести́мо, оно — вне нашей мысли и нашего слова. Оно — в свете неприступном, оно — в мудрости несказуемой, оно — есть откровение — дар, предназначенный и вручаемый Высшим Дарителем лишь тому одному, кому дар даруется.

Но христианский мыслитель, если он воистину взыскал Логос Христа, не может быть вовсе непричастен к христианскому ведению благодатному, — и единый луч этого введения, преломленный и омраченный, все же становится уделом христианского мыслителя, верного церковного трудника.

Вот почему я верую, что два православных мыслителя, над коими так явны апокалипсические отметы, не лишены были высокой чести — частичного предведения грядущих Судеб Божиих в связи с судьбами родной земли и Церкви. Если препод. Серафимом зачинаются русские подвижники с упованием: «Ей, гряди, Господи Иисусе», то Леонтьевым и Соловьевым зачинаются русские мыслители — с тем же упованием. Самая смерть Вл. Соловьева — с его таинственной молитвой за евреев,⁵⁴ — которым, не забудем, священное предание и церковная письменность дают такое роковое участие в пришествии Антихриста, с его предсмертным бредовым видением вождя пробужденного Китая, с его предсмертной жаждой наработать побольше благого, чтобы было с чем встретить России грядущих с Востока вестников конца, самая эта таинственная смерть с вздохом трудника путей неисповедимых: «Трудна работа Господня!»⁵⁵ представляется мне первой апокалипсической смертью на Руси. Я верю, что такое же — апокалипсическое — значение имеет и монастырь, в стены которого, как за Серафимову канавку, всю жизнь стремился и — в конце концов — навсегда ушел Константин Леонтьев, я думаю, что к этому монастырю Леонтьев был приведен ужаснувшим его мысль бесспорным накоплением «симптомов конца», которые он апокалипсически-остро видел в истории и современности, и Оптиная пустынь явилась для него мужским Дивеевым, которое, по молитвам святого, ограждено от власти и владычества Антихриста.

В образе старца Иоанна из «Повести об Антихристе» Соловьеву дано наконец было слить воедино все те чаяния, уверенности и надеяния апокалипсические, которые шли из темных глубин народного религиозного сознания — из глухих раскольничьих скитов Заонежья и бегунских тайников Приуралья, из ясных белых стен православного монастыря, из хибарки старца-подвижника, из кельи оптинского послушника Константина Леонтьева, из комнатки умирающего Владимира Соловьева. Все это, очищенное ото всего случайного и наносного, слилось во единый мудрый образ высокого православного значения. Старец Иоанн — по Соловьеву, «весьма известный среди русского народа»: значит, он во времена последние такая же сердцевина и средоточие православия, как преп. Серафим в свой век: он — тот, к кому льнет народ, он — старец русского народа, живой наследник Оптиной и Сарова, излечитель его грехов, врач его совести, руководитель его на пути земном и небесном. Вместе с тем, он — «епископ на покое»: значит, он правомощный носитель всей полноты иерархической благодати, он учитель по праву, по преемству от апостолов и Христа Господа, святитель, преемник великих русских святителей. Но в то же время он странник: «он постоянно странствовал во всех направлениях»: значит, он идет путем излюбленного русского народного скитальчества, значит, он — из числа «выскающих града незримого», из числа тех, кто непрестанно готовятся ко встрече Христа Грядущего, бегун. Какая-то таинственная, туманная связь связует его — в глазах народа — и с прежним православным царством русским, к тому времени уже безвозвратно смытым историей с русских просторов: «некоторые уверяли, что это воскрес Федор Кузьмич, т.е. Император Александр Первый». Но у него, живущего при конце времени, мнится и безмерно большая и глубочайшая связь — с началом времен, с Господом Христом, во плоти шествующим по земле: он смыкает собою христианство и историю, начало и конец. «Утверждали, что это настоящий старец Иоанн, т.е. апостол Иоанн Богослов, никогда не умиравший и открыто явившийся в последние времена». Кто бы он ни был, но, бесспорно, он именно тот епископ, праведник и подвижник православный, к руке которого одинаково прильнули бы и томимый апокалипсической тоской бегун, забыв свое отделение от Церкви, и ранний и напрасный мученик раскольник-самосожженец, и старец-иеромонах православного монастыря, и православный историк России, и самодумный Леонтьев, и сам Соловьев... Он — сердцевина, он — душа России, той России, которая доживет до времени конца, как, все равно, он был бы сердцевинной и нашей России, и России XVII, XIV века. И именно ему, русскому из русских, православному из православных, дано изобличить Антихриста, вскрыть его антихристианство, отделить истину, уже окончательную и последнюю, от лжи, тоже окончательной и последней. Он первый изобличает врага Христова и тем встречает Христа Грядущего. Апокалипсическое христианское томление Руси, ее непрестанное раздумье над тем, что Божье и что антихристово в строе жизни и культуры, ее таинственное предощущение времен последних, ее трепетнейшая и сокровеннейшая молитва Господу Апокалипсиса: «Ей, Гряди, Господи Иисусе!» — в нем, в этом старце-епископе, получают свое вселенское завершение, свое безмерно-великое выражение. Так вот на что нужна была эта мучительная, столетняя русская тяга к Апокалипсису, этот религи-

озный огонь чаяния времен, возвещающих, что «времени больше не будет», эта жуткая боязнь смешать Божие с антихристовым, не различить Лица Христова от личины антихристовой! Все это нужно было, чтобы от русского православия, от православной России дать вселенского исповедника Христа Грядущего, отверзающего врата Небесного Иерусалима, чтобы быть вторым Предтечей Иоанном, указывающим знаки Грядущего Агнца Божия. Истолковывая смысл происходящего в «Повести об Антихристе», кн. Е. Н. Трубецкой утверждает, что в кругу последних откровений христианских и событий, совершающихся при конце истории, «*одинаково* нужны и необходимы и свет с Востока, и мистическое прозрение в тайны последнего, запредельного откровения, и волевая, человеческая, римская энергия, и дух свободного исследования протестантской Германии»*, — т.е., проще говоря, *одинаково* нужны православие, католичество, протестантство. Нет, *не одинаково!* Ибо для верховного, основного, — от которого все зависело и которым все определялось, — акта христианского при конце времен — для изобличения Антихриста и чрез то, для прямого и уже окончательного исповедания Христа, как Сына Божия и Судии мира, — понадобилось не отличное умение критиковать тексты, не «дух свободного исследования протестантской Германии»⁵⁶, не первосвященническая власть вещать *urbi et orbi* чрез грозную буллу, не «римская энергия», — а благодатное исповедание в силе и духе Христа Грядущего старцем православным епископом странником, который до того, до самого последнего часа, был не нужен протестантству и над которым стоял бы папа в католичестве, как высший его по благодати иерархии. Не духом свободного богословствования о Христе, не грозной волей авторитета, а духом русского православного народа чаяние Христа грядущего, духом православной же, русской народной вражды ко граду Антихристову, объединявшей во едино бегуна и К. Леонтьева — изобличается при конце мира Враг Христов, и при том таким народным русским восклицанием старца Иоанна: «Детушки, Антихрист!» А папе Петру Второму и благочестивому профессору Паули остается лишь докончить формально дело Иоанново: предать Антихриста формальному отлучению и составить соборный акт об этом.

Так православие и православная Россия, давно-давно ставшие, в глубинах своих на путь апокалипсических ожиданий, приводятся к великому подвигу вселенскому в лице русского православного епископа-странника старца Иоанна! В его образе, взирающем на нас из неведомых глубин будущего, заключено и слито и наше религиозное прошлое, и наше настоящее, — и в этом прочнейшее свидетельство его подлинности, его соответствия православной истине и существованию русских народных религиозных упований.

Апокалипсис и Россия сливаются в образе старца Иоанна воедино и навсегда. Образ этот создан в недавнем прошлом, только двадцатилетие исполнится скоро с тех пор, как ушел его создатель, — но кажется, будто старец Иоанн идет к нам не из прошлого, а из будущего, почти ощущается нами, как он приближается к нам — или это Россия и мы идем к нему навстречу? И встреча наша близится и скоро завидит воистину его пресветлый лик?

* Кн. Е.Н. Трубецкой. Мировоззрение Вл. С. Соловьева. Т. II, стр. 328.

Не знаем и не узнаем⁵⁷. И не должно нам знать. Но верим в одно: Россия — христианская Россия — пред Лицом Апокалипсиса признает его одного своим единым водителем, старцем, епископом, предстоятелем пред лицом Судии Грядущего, — вся Россия признает, что от темного бегуна до высокого мудреца, от грешного странника до во Христе сияющего праведника. Ибо его молитва: «Ей, Гряди Господи Иисусе!» — есть древняя, исконная неугасимая молитва всей Руси.

Примечания

¹ Вводная статья и первые три части произведения опубликованы в предыдущем выпуске журнала: Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. 2015. Вып. 2 (59). С. 83–118. Текст публикуется по черновому автографу, сделанному чернилами и карандашом в тетради в широкую линейку. Текст содержит многочисленные исправления. Автограф микрофильмирован и *de visu* недоступен. Подстрочные примечания — авторские. Концевые сноски — наш комментарий. Конъектуры раскрыты публикатором в ломаных скобках. Слова в скобках «Памяти отца Иосифа Фуделя» вставлены позже, карандашом, после смерти о. Иосифа. Отец Иосиф умер 2(15) октября 1918 г. Они были близко знакомы как участники Новоселовского кружка. Умирая, отец Иосиф завещал Дурьлину продолжить издание собрания сочинений К. Н. Леонтьева (*Резвых Т. Н.* «Я чувствовал себя как бы его внуком... С. 277–312).

² «Что современное человечество есть больной старик ~ который вижу как сейчас» (Соловьев В. С. По поводу последних событий // Он же. Собрание сочинений: В 10 т. / С. М. Соловьев, Э. Л. Радлов, ред. СПб., 1914. Т. 10. С. 225 (далее ссылка на это собрание сокращена — Соловьев).

³ «Современная политическая борьба готовится путь республиканскому космополитизму» (Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 552. Цитируется с сокращениями).

⁴ «Капитал недавно ~ республиканский лавочник...» (Леонтьев К. Н. Передовые статьи Варшавского дневника. Варшава 11 января // Леонтьев. Т. 7 (II). С. 17).

⁵ «Должно воцариться господство денег ~ что и Франция» (Там же. С. 20–21. Цитируется с сокращениями).

⁶ «Повсеместное господство ~ Или от “неподвижного Китая”?» (Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 447–449. Цитируется с сокращениями).

«От “потрясенного Кремля”? Или от “неподвижного Китая”...» — цитаты из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831), написанного в защиту подавления польского восстания 1830–1831 гг.

⁷ «Когда всюду ~ простор для действия» (Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 452).

⁸ Резко расходясь ~ с Европой... — См., например: Аксаков И. С. Договор Порты с Черногориею // Он же. Сочинения. Славянский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 51–87.

⁹ ... «дондеже отгымется луна»... — Пс 71. 7.

¹⁰ «Пессимист, ~ национально-исторический» (Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 355).

¹¹ «...за изворотами извилистого...культурного возрождения...» (Леонтьев К. Н. Записки отшельника // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 265).

¹² «... Так думал я уже тогда (в 70-м году), так верю и теперь...» (Там же).

¹³ «...Молодость наша...страшного предела...» (Леонтьев К. Н. Византизм и Славянство // Леонтьев. Т. 7 (I). С. 442).

¹⁴ «Если же нет, если мы ошиблись... И не стоит тогда и любить ее!» (Леонтьев К. Н. Записки отшельника // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 254).

¹⁵ «рабочий, серый ~ мыса Доброй Надежды» (Леонтьев К. Н. Передовые статьи Варшавского дневника. Варшава, 9 января // Леонтьев. Т. 7 (II). С. 9).

¹⁶ «с каким бы восторгом ~ «Повесть об Антихристе»!» (Фудель И., свящ. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // «Преемство от отцов». Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб., 2012. С. 411).

¹⁷ «Прогресс действительно есть симптом ~ симптом конца» (Соловьев В. С. Собрание сочинений / Соловьев. Т. 10. С. 159. О Леонтьеве как одном из прототипов г. З см.: Котрелев Н. В. Эсхатология у Владимира Соловьева (к истории «Трёх разговоров») // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 255–256.

¹⁸ Ср.: Вениамин (Федченков), митр. О конце мира. Калуга, 2013. С. 18.

¹⁹ «Я понимаю, что если дело идет ~ симптомом конца?» (Там же).

²⁰ «Да, это не так очевидно, как в случае паралича, однако это так» (Там же).

²¹ Ранний вариант: выразился

²² «Я не могу просто ~ мы на очереди» (Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев. Т. 8 (1). С. 355–356. Цитируется с сокращениями).

²³ «Социалисты везде ваш ~ мистическим учениям и т.д.» (Леонтьев К. Н. Г. Катков и его враги на празднике Пушкина // Леонтьев. Т. 7 (II). С. 205–206. Цитируется с сокращениями).

²⁴ «когда мы говорим ~ построениям» (Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всеобщего разрушения // Леонтьев. Т. 8 (I) С. 215).

²⁵ «...conditio sin equa pop...» (условие, без которого нечто не может быть (лат)).

²⁶ «Социализм в XX и XXI веке ~ свободой старый мир» (Леонтьев К. Н. Письмо К.А. Губастову. 15 марта 1889 г. // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 400–401. Цитируется с сокращениями).

²⁷ «Общественные ~ но уже жутко же будет многим» (Леонтьев К. Н. Письмо В. В. Розанову. 13 июня 1891 // Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев // Собрание сочинений / А. Н. Николюкин, ред. М., 2001. С. 357).

²⁸ «И Великому Инквизитору ~ Достоевскому» (Там же).

²⁹ «Иначе (если социализм...цивилизацией ископанную бездну...» (Леонтьев К. Н. Письмо К. А. Губастову. 15 марта 1889 г. // Русское обозрение. 1897. № 5. С. 401).

³⁰ «европейскими соединенными штатами»... (Соловьев В. С. Краткая повесть об Антихристе // Соловьев. Т. 10. С. 197).

³¹ «Где новые сильные духом неизвестные племена?... мы даже дряхлы...» (Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 449–450. Цитируется с сокращениями).

³² «Общеввропейская рабочая республика ~ в свою федерацию» (Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всеобщего разрушения // Леонтьев. Т. 8 (I) С. 220).

³³ «...«между двумя ~ тогда уже на земле не будет» (Там же. С. 201. Цитируется с сокращениями).

³⁴ «восстание рабочих sans patrie»... (Соловьев В. С. Краткая повесть об Антихристе // Соловьев. Т. 10. С. 196).

³⁵ «поколебал в самые последние 2–3 года ~ опасались и опасаются» — Отвечая на статью В. С. Соловьева «Россия и Европа» (Вестник Европы. 1888. № 2), направленную против книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, Леонтьев писал, что соединение Церковью должно произойти у Соловьева перед концом света и имеет задачей подготовить мир к пришествию Антихриста (Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев. Т. 8 (1)).

³⁶ «Чтобы русскому ~ как в России» (Леонтьев К. Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 458–459. Цитируется с сокращениями).

³⁷ «...«можно почти ~ республиканской федерацией» (Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Он же. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика / В. И. Косик, вст. ст., Г. Б. Кремнев, В. И. Косик, коммент. М., 1996. С. 510). Согласно предположению издателей ПСС и Писем, этот фрагмент (обозначенный как XIV параграф работы «Владимир Соловьев против Данилевского») относится к другой статье: Леонтьев К. Н. Чужим умом // Леонтьев. Т. 8 (I). С. 493.

³⁸ «опрямительного ~ восточного вопроса» (Леонтьев К. Н. Письмо К. А. Губастову. 22 декабря 1888 г. // Русское обозрение. 1897. Март. С. 457).

³⁹ «Полагаю, что китайцы ~ Евангелие будет проповедано везде» (Леонтьев К. Н. Письмо В. В. Розанову. 13 августа 1891 // Розанов. Указ. соч. С. 375).

⁴⁰ «его главная ~ Суду Божию» (Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев. Т. 8 (1). С. 316). Цитируется с небольшими изменениями. Эта догадка Леонтьева подтверждается письмом Соловьева мая-июня 1896 г. Евгению Тавернье (См.: Межуев Б. В. «Перемена в душевном настроении» Вл. Соловьева 1890-х годов в контексте его эсхатологических воззрений // Соловьевские исследования. 2005. Вып. 11).

⁴¹ «Человек, истинно верующий ~ будут в заблуждении» (Леонтьев К. Н. Наши окраины // Леонтьев. Т. 8 (1). С. 29. Цитируется с сокращениями).

⁴² Как показал ~ предназначение России (Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Вл. Соловьева. М., 1913. Т. 2. С. 324–328).

⁴³ «Когда всюду заведут ~ подождет, удержится» — Поучение еп. Феофана публиковались, по крайней мере, два раза, Леонтьев цитирует более развернутое: Душеполезные размышления. Вып. 7. 1881. С. 9–14 (Фетисенко О. Л. Комментарии // Леонтьев. Т. 8 (II). С. 1101).

⁴⁴ См. примеч. 30.

⁴⁵ Вспомним, что даже ~ т.е. мотивом эсхатологическим — С. Н. Трубецкой писал, что в 1900 г. Соловьева охватило апокалиптическое чувство, он находился под впечатлением «китайской угрозы» (Трубецкой С. Н. Предисловие // Творения Платона / В. Соловьев, М. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой, пер. М., 1903. Т. 2. С. 3).

⁴⁶ «Не знаю, право ~ глупое заблуждение» (Леонтьев К. Н. Письмо о. И. Фуделю. 26 января 1891 // «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / О. Л. Фетисенко, изд. СПб., 2012. С. 268. Цитируется с сокращениями и изменениями).

⁴⁷ ...«спасти посредством ~ последнему Суду Божию» (Леонтьев К. Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев. Т. 8(1). С. 316. Цитируется с небольшими изменениями).

⁴⁸ «Это крик моего сердца» (Трубецкой С. Н. Смерть В. С. Соловьева // Он же. Собрание сочинений. М., 1907. Т. 1. С. 347. Имеется в виду статья «По поводу последних событий»).

⁴⁹ ...дает в письме к учащейся молодежи ~ «общехристианский взгляд на эти вещи» иной — здесь имеется в виду коллективное письмо студентов Московского университета и Технического училища с критикой чтения «Краткой повести об Антихристе». Оба письма опубликованы М. А. Новоселовым: Богословский вестник. 1912. Т. 4. № 11. С. 459–461. Ответ В. С. Соловьева переиздан: Соловьев Вл. Письма. Т. IV. Пб., 1923. С. 143–144.

⁵⁰ Величко В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1904. С. 171.

⁵¹ «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хотя неуловимым дуновением» (Соловьев В. С. Письмо В. Л. от 3 июня 1897 г. // Он же. Письма. СПб., 1908. Т. 1. С. 232).

⁵² «Однако, господа! ~ сейчас пригласит вас пожаловать» (Соловьев В. С. По поводу последних событий. Письмо в редакцию // Соловьев. Т. 10. С. 224).

⁵³ Панмонголизм! Хоть слово дико ~ Даны клочки твоих знамен (Соловьев В. С. «Неподвижно лишь солнце любви...» // Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М., 1990. С. 88–89).

⁵⁴ Источник: Величко. Указ. соч. С. 204; Трубецкой С. Н. Смерть В. С. Соловьева // Он же. Собрание сочинений... С. 347.

⁵⁵ Источник: Трубецкой С. Н. Смерть В. С. Соловьева... С. 352.

⁵⁶ ...«дух свободного исследования протестантской Германии»... (Трубецкой Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм // Он же. Избранное. М., 1995. С. 323). Впервые опубликовано: Русская мысль. 1912. № 3. В этой статье критика русского мессианизма подкрепляется у Трубецкого ссылкой на «Три разговора», где, по его мнению, нет и следа народа-богоносца.

⁵⁷ «Не знаем и не узнаем» (Дюбуа-Реймон Э. Г. О пределах познания природы: Лекция, читанная Эмилем Дю-Буа-Реймоном во втором публичном заседании 45 немецких естествоиспытателей и врачей 14 августа 1872 г. в Лейпциге. Могилев на Днестре, 1873. С. 24).